

УДК 821.111(73)

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-4-76-86

ОТ МАРКСИЗМА К ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМУ: ТВОРЧЕСТВО РИЧАРДА РАЙТА 1940-1950-Х ГГ. В КОНТЕКСТЕ ВЛИЯНИЯ САРТРА И КАМЮ

Егорова Е. Г.

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119192, Москва, Ломоносовский проспект, д. 31, к. 1, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается эволюция мировоззрения и творческой манеры Р. Райта: переход от увлечения коммунизмом и марксизмом к экзистенциализму, роль знакомства с Ж.-П. Сартром и А. Камю, их творчеством и философскими взглядами. Раскрывается специфика генезиса экзистенциализма в афро-американской литературе, вырастающего из «романа протеста» (protest novel); в этой связи анализируется роман Р. Райта «Сын Америки» (Native Son, 1940) как произведение, переходное от социальной прозы Райта к философской экзистенциалистской прозе 1940-1950-х гг. Особое внимание уделяется творческой истории романа Р. Райта «Аутсайдер» (1953) и проблеме переключек между этим романом Райта и романом А. Камю «Посторонний».

Ключевые слова: Ричард Н. Райт, А. Камю, Ж.-П.Сартр, французский экзистенциализм, афро-американская литература, американо-французские литературные связи.

FROM MARXISM TO EXISTENTIALISM: THE CREATIVITY OF RICHARD WRIGHT IN 1940-50S, IN THE CONTEXT OF INFLUENCE OF JEAN-PAUL SARTRE AND ALBERT CAMUS

E. Egorova

*Lomonosov Moscow State University
31, Bld. a, Lomonosov str., Moscow, 119192, Russian Federation*

Abstract. The article explores the evolution of Richard Wright's worldview and his creative manner during the period of his ideological shift from Communism to existentialism, prompted by his contacts with Jean-Paul Sartre and Albert Camus, their work and philosophical views. The author reveals the peculiar features of the genesis of existentialism in African-American literature, emerging from the "protest novel"; in this connection, R. Wright's novel "Native Son" (1940) has been analysed as the work transitional from his social prose to the philosophical existential prose of 1940-1950s. Special attention has been given to the creative history of R. Wright's novel "The Outsider" (1953) with a focus on its interconnections with "L'Étranger" by A. Camus.

Key words: Richard N. Wright, A. Camus, J.-P. Sartre, French existentialism, African-American literature, American-French literature links.

Афро-американский прозаик Ричард Натаниэл Райт принадлежит к тому же поколению, что и французские писатели-экзистенциалисты: он на три года моложе Сартра и на пять лет старше Камю. Райт родился 4 сентября 1908 г. на плантации под Натчезом в штате Миссисипи, детство провёл в столице штата Джексоне, рос без отца (типичная ситуация для южной негритянской семьи). Не закончив среднюю школу, начал работать, чтобы помогать матери и брату. В 1927 г. переехал в Чикаго, работал рассыльным, мойщиком посуды и занимался самообразованием. В 1932 г. стал членом клуба Джона Рида, а в 1933 г. вступил в компартию. Его «роман с коммунизмом» длился до конца 1930-х; на исходе «красного десятилетия» нарастает его разочарование в партии. Компартия закрывает журнал «*Left Front*», несмотря на протесты его редактора – Райта. Затем Райт попадает в унижительную ситуацию, когда в 1937 г. один из нью-йоркских коммунистов приглашает его жить к себе, но, как выяснилось вскоре, не из дружеских чувств, а чтобы бросить вызов расистски настроенному квартирному хозяину. Этот автобиографический материал будет использован Райтом в романе «Аутсайдер» («*The Outsider*», 1952). В Нью-Йорке в 1937 г. Райт пытается укрепить свои связи с коммунистами: он сотрудничает с «*Daily Worker*»; его сборник рассказов «Дети дяди Тома» («*Uncle Tom's Children*», 1938) встречает одобрение коммунистов. Однако с начала 1940-х гг. Райт окончательно понимает, что с коммунистами ему не по пути, и в 1942 выходит из партии. Рубежным произведением, обозначившим момент перелома и началом превращения Рай-

та из писателя-коммуниста в писателя-экзистенциалиста стал роман «сын Америки» («*Native Son*», 1940).

С этим романом, который стал главным произведением Райта, связана поистине детективная история. Роман делится на три части – «Страх» (*Fear*), «Бегство» (*Flight*), «Судьба» (*Fate*). История чернокожего юноши Биггера Томаса, жителя чикагского гетто, совершившего два убийства, поражает сходством с романом А. Камю «Посторонний» (1942). Однако, несмотря на поразительные сходства между «Сыном Америки» и «Посторонним», на данный момент считается точно установленным, что Камю и Райт ничего не знали друг о друге, и любые моменты влияния здесь исключены. Роман Райта был написан за два года до романа Камю и за семь лет до того, как Райт прочёл «Постороннего» в августе в 1947 года. Тогда и самого Райта поразило почти дословное совпадение мыслей, высказанных Камю, с теми, которые он вложил в уста своего «сына Америки» Биггера Томаса шесть лет назад.

«Сын Америки» наглядно демонстрирует, как негритянский вариант американского экзистенциализма «прорастает» из социальной реальности, в которой живёт чёрный американец – постоянное пребывание в «пограничной ситуации», в агрессивной среде, неизменное чувство опасности, тревога, страх, вина, комплекс жертвы, легко оборачивающийся комплексом мстителя / палача, ненависть и отвращение к себе, которые проецируются на других.

Если до начала 1940-х Райт был стихийным экзистенциалистом, то после расставания с коммунистами, начина-

ется «воспитание экзистенциалиста». Интерес Ричарда Райта к экзистенциализму, как и его эмиграция во Францию в 1946 г. получили негативную оценку американской литературной критики при жизни писателя, Райта обвиняли в слепом следовании интеллектуальной моде, вторичности и искусственности экзистенциалистских тем и мотивов как не имеющих ничего общего с жизнью негров в США, в его творчестве конца 1940-1950-х гг. Достаточно просмотреть, например, рецензии, во множестве выходившие в прессе в 1953 г. на роман «Аутсайдер», – в «New York Times Book Review» (22 марта), «The Saturday Review» (11 апреля), «New York Herald Book Review» (3 мая) и мн. др. В 1960-1970-е гг. возникла обратная реакция – Райт был признан прирождённым экзистенциалистом [9], причём влияние на него французского экзистенциализма (Сартр, Симона де Бовуар, Камю) было явно преувеличено, в то время как роль немецких философов (Ясперс, Хайдеггер) и «прото-экзистенциализма» Достоевского, Кьеркегора, Ницше столь же явно недооценивалась.

Между тем, движение Райта к экзистенциализму начинается именно со знакомства с сочинениями Ясперса, Хайдеггера, Кьеркегора, а также Ницше и Достоевского. В начале 1940-х за «Сыном Америки» последовали повесть «Человек, который жил под землёй» («The Man Who Lived Underground», 1942, полная версия – 1944), построенная на кьеркегоровско-ясперсовских идеях и на мотивах, восходящих к Достоевскому (уже название повести указывает на «Записки из подполья»). Затем последовала беллетризованная автобиография «Чёр-

ный» («Black Boy», 1945) – драма взросления и становления самосознания в мире жестокости и насилия, абсурда, угнетения; страх, агрессия, опасность, вина предстают как константы и основные составляющие существования чёрных в Америке.

В это время Райт тесно общается с Р. Эллисоном, и они часто говорят об экзистенциализме, особенно о Хайдеггере и Кьеркегоре. Райта и Эллисона волнуют те же вопросы, которые поднимаются в сочинениях экзистенциалистов: свобода и выбор, ответственность интеллигенции, защита гуманистических ценностей, индивидуализм и солидарность. Эллисон в 1945 г. послал Райту номер журнала «Horizon» со статьёй о современных литературных течениях во Франции и в своих письмах первой половины 1940-х гг. привлекал его внимание к достижениям французских экзистенциалистов, особенно Мальро и Сартра, а также к драматургии и театральным постановкам, делавшимся в условиях оккупации [6], [7]. Райт, который на тот момент уже хорошо представляет себе идеи немецких философов-экзистенциалистов и Кьеркегора, стремится вникнуть во французский экзистенциализм.

Знакомство Райта с французским экзистенциализмом произошло в середине 1940-х гг. – в тот самый момент, когда, разочаровавшись в коммунизме и разорвав свои связи с компартией, Райт оказался в «идеологическом вакууме», который усугублялся неприятием возникавших после второй мировой в США реалий общества потребления. Об этом свидетельствует, во-первых, его автобиографическое эссе «Я попробовал быть коммунистом»

(«I Tried to Be a Communist», 1944), где ставятся вопросы индивидуальной воли и коллектива (партии), морали в политике; во-вторых, переписка с Гертрудой Стайн в первой половине 1940-х: она ясно показывает отвращение Райта к консьюмеризму и материализму, которые Г. Миллер назвал «кондиционированным кошмаром» (air conditioned nightmare), а идеолог феминизма Бетти Фридан – «уютным концлагерем» (comfortable concentration camp).

В 1945 г. Райт посещает Париж, а в 1946-м эмигрирует во Францию вместе с семьёй. В 1947 он получает французское гражданство. В это время он штудирует работы Гвидо де Руджьеро («Экзистенциализм», 1946), Жана-Андре Валя («Краткая история экзистенциализма», 1949). С середины 1940-х гг. он следит за публицистикой Сартра, Симоны де Бовуар и Камю, тем более, что каждый из них побывал в США с лекциями и выступлениями и говорил о своём понимании современной ситуации в Европе и Америке – Сартр и Симона де Бовуар – в январе 1945, Камю – с марта по май 1946 г. Райт читает Сартра в английских переводах, особенно «Экзистенциализм – это гуманизм» и «Психология воображения» (перевод «Бытие и ничто» появился только в 1957 г., и Райт недостаточно знал французский, чтобы освоить трактат в оригинале). Метафизика Сартра, тем самым, оставалась для него неясной и не играла большой роли в отличие от эссеистики («Что такое литература?», «Антисемит и еврей»), художественной прозы («Дороги свободы», «Интим»), пьес, которые были созвучны проблематике, разрабатывавшейся Райтом [3].

Райт познакомился с Сартром через свою подругу, журналистку «New York Post» Дороти Норман. Вначале Сартр показался ему человеком закрытым и необщительным; но это впечатление быстро сменилось восхищением и чувством сродства душ. Искреннее и немного наивное преклонение перед интеллектом Сартра звучит в статье «Искусство и действие» – предисловии Райта к «Респектабельной шлюхе», которое представляло пьесу американской публике.

Райт принимает участие в политических акциях французских экзистенциалистов под знаменем РДР (Ressemblément démocratique révolutionnaire) в 1946-1952 гг. и сотрудничает с группой «Temps Modernes». Активизм и знакомство с опытом Сартра-романиста укрепляют решение Райта попробовать себя в качестве *romancier a thuse*. Работу над новым романом он начал ещё до своей поездки в Париж 1945 г. В первых набросках появляется главный герой – Кросс Дэмон, почтовый клерк из Чикаго, который загнан в угол жизненными обстоятельствами, удручён рутинной существованием, полон страха и отвращения – почти как Рокантен с его «тошнотой» и отвращением к липким, вязким существованиям. Однако довольно быстро Райт понимает, что *roman a thuse* неорганичен его писательскому темпераменту. После чтения «Постороннего» Камю в 1947 году Райт меняет поэтику своего романа, прежде всего, стремясь к занимательности – оживляет сюжет, создавая криминально-политический триллер с элементами детектива, а также к интимности и исповедальности, пробуя вести повествование от лица героя (в окончательном варианте Райт вернётся к повествованию от автора).

О Камю Райт впервые услышал весной 1946 г., вскоре после знакомства с Сартром. В 1946 г. в апрельском номере журнала «Twice a Year» (редактором которого была Дороти Норман) он прочёл перевод лекции Камю «Кризис человека» («Human Crisis»), с которой тот выступил в Америке 28 марта 1946 г. Взгляды, которые высказывает здесь Камю, отличаются мрачным пессимизмом, хотя в финале и содержится призыв к лучшему в человеке и человечестве. Камю остановился на очевидных симптомах кризиса гуманизма. Выступая в Америке, Камю, вопреки обыкновению, не говорил о дегуманизирующем воздействии войны, а предпочёл говорить о подмене целей и ценностей, ориентированных на человека, материализмом, стремлением к успеху и процветанию. Тема эта сама по себе была не нова – французские интеллектуалы обвиняли американское общество в материализме и в 1920-е, и в 30-е годы. Однако Райт был поражён тем, как созвучны его собственным мыслям и чувствам идеи и эмоциональная доминанта лекции Камю, в которой он преподносил консьюмеризм и материализм как главное зло современности, как удел современного человека и проводил параллель между обществом потребления и тоталитаризмом.

В 1946 г. Райт и Камю по-разному оценивали политику. Осудив фашизм и коммунизм, Райт, тем не менее, как и Сартр, и Симона де Бовуар, полагал, что политика предоставляет возможность для деятельности и самовыражения личности, – и это убеждение побудило его участвовать в РДР. Камю отводил политике гораздо более скромную роль и утверждал, что она не имеет ничего общего с внутренним миром.

Позже, в самом конце 1950-х, Райт пересматривает своё отношение к политике. В рецензии на роман Мишеля дель Кастильо «Лишённые наследства» (1958) Райт пишет: «Кто не согласится с тем, что чувство, будто тебя лишили наследства, по большей части не связано с политикой, что политика – всего лишь временное средство, что марксизм – лишь паллиатив в ожидании точного диагноза, что коммунизм – нелёгкий компромисс, искажённо и неполно определяющий человека?» [11, p. 22]

Знакомство с идеями Камю сыграло в этой переоценке ценностей важную роль. Уже в конце 1940-х Райт откликается на мысли Камю о политике, поскольку он уже видит в коммунизме и обществе потребления «зоны отчуждения», навязывающие «урезанное» определение человека. Мысли и тон публикаций Райта и Камю, напечатанных в рубрике «Искусство и действие» («Art and Action») в журнале «Twice a Year», поразительно схожи. В письме главному редактору журнала Дороти Норман Райт пишет: «Правые и левые, каждые со своей стороны, приходят к выводу, что человек – животное, чьи потребности можно удовлетворить за счёт увеличения предметов потребления... Предполагается, что, если у всех будет полно еды и набитые желудки, это и будет мир довольства и свободы, а тех, кто будут недовольны таким режимом, обвинят в предательстве. Это печально. Все мы – соучастники этого преступления. Неужели слишком поздно пытаться остановить это, пытаться что-то изменить?» [12, p. 73]

Рядом в журнальной рубрике была помещена статья Камю «Мы тоже убийцы» («We Too Are Murderers»),

которая начинается так: «У нас нет будущего, нынешний мир не предлагает ничего, кроме смерти и молчания, войны и ужаса – и это факт. Однако мы не обязаны это терпеть, поскольку мы знаем, что жить стоит во имя любви, разума, красоты, что человек стремится к этому, но, чтобы добиться этого, нужно время. И это тоже факт» [2, р. 74].

Хотя эти тексты оказались рядом, созданы они были в разное время. Статья Камю, впервые опубликованная во «Franchise» в 1946 г., во многом продолжает темы, поднятые в лекции «Кризис человека». Письма же Райта к Дороти Норман от 9 марта 1948 г. изначально не предназначались для публикации и не являются «комментарием» к статье Камю. Однако именно на период 1947-1952 гг. приходится пик интереса Райта к Альберу Камю. Райт прочёл «Постороннего» (август 1947), «Калигулу» (в том же 1947-м), в 1948-м – «Чуму». Это как раз то время, когда Райт работает над философским романом «Аутсайдер».

В романе «Аутсайдер» оппоненты Кросса Дэмона – фашист Херндон и коммунисты Джил Блаунт, Джек Хилтон – отрицают индивидуальные потребности, чувства, стремления, ратуя за политическое, тоталитарное мышление. Поиск главного героя нацелен на открытие или сотворение заново индивидуальных, личных представлений, норм и ценностей; в совсем отрицании общих, тотальных, обезличенных социальных норм он идёт до предела, до логического конца.

«Метафизический эгоизм» Кросса коренится как в его личных обстоятельствах (особенности душевного и интеллектуального склада, запутан-

ные отношения с женщинами – матерью, женой, несовершеннолетней любовницей, друзьями и коллегами), так и в социальных условиях (расовая принадлежность, которая ставит его в положение аутсайдера и диктует неприятие американских ложных ценностей – материализма и консьюмеризма). Пройдя «искушение коммунизмом», он открывает то, что Камю называет «абстракцией» – авторитарность, полное отрицание индивидуальности; однако за этой абстракцией кроется ницшевская воля к власти, обладание которой дарит чувственное наслаждение, столь всепоглощающее, что с ним не сравнится даже наслаждение сексуальное. Мир, который предстаёт перед Кроссом, – это мир без Бога и без морали, в котором человек, лишённый той защиты, которую дают общечеловеческие ценности и нормы, не верит ни во что – только в самого себя.

Взгляд в духе Камю на человека как «ни доброго, ни злого» и лишённого ценностей объясняет путь Кросса Дэмона, который может стать жертвой или палачом, не желая быть ни тем, ни другим. Идеи Камю проливают свет на заключительную сцену романа, когда умирающий Кросс с ужасом признаётся Хьюстону, что не чувствует вины. Как и Мерсо, Кросс не способен на раскаяние, ему незнакомы угрызения совести. Он невинен, потому что не несёт ответственности за «удел человеческий», за то, что мир абсурден и человек в нём ничего не значит.

Э. Марголис, сравнивая главных героев Райта и Камю, отмечает, что «оба убивают бесстрастно, обоих оставляет равнодушными смерть матери, оба, очевидно, должны демонстрировать

моральный и эмоциональный крах нашего века» [5, p. 135].

На замысел экзистенциалистского романа Райта действительно сильно повлияло знакомство с романом «Посторонний», который Райт прочёл в августе 1947 г. Райт прочёл американское издание «Постороннего», восхищаясь отличной прозой и мастерством повествователя. 7 августа 1947 года он записывает в дневнике: «Чистая работа, но совершенно бесстрастная. Он чётко и доходчиво выражает свою точку зрения, это плотная и добротная проза. В Америке такая книга не привлекла бы особого внимания; сочли бы, что в ней недостаёт чувства. Однако главный персонаж нарисован очень хорошо. Самое интересное в этой книге – использование художественной прозы для выражения философской точки зрения. Ему это легко удаётся. Хочу прочесть, что он ещё написал» [4, p. 175].

Райт обращает внимание на то, как уверенно и искусно использует Камю роман (художественную прозу) для выражения философских идей – он попытается соединить повествование и послание (*narrative and message*) в «Аутсайdere», но гораздо менее успешно: беседы, споры и монологи на политические и философские темы воспринимаются как философско-дидактические отступления, вторжение эссеистики в «тело романа». Отмечая «бесстрастие» «Постороннего», Райт имеет в виду не характер Мерсо, а манеру повествования, лишённую теплоты и эмоциональности. Однако протагонист Райта Кросс Дэмон сочетает холодный аналитический ум со страстностью натуры, он часто действует импульсивно, под влиянием порыва,

неудержимого желания или сильной эмоции и этим разительно отличается от Мерсо с его «экзистенциальной индифферентностью». Повествование у Райта также не является «холодным», «отстранённым» – и это объясняется не столько стремлением удовлетворить запросы американского читателя, сколько темпераментом Райта как писателя, которому органически необходимы страстность и эмоциональность для того, чтобы вести повествование. Райт воздействует на читателя в том числе и методом «психического заражения», эмоционально втягивая его в свой романский мир. По прочтении «Постороннего» Райт почувствовал необходимость писать задуманный роман от первого лица, вести рассказ от имени Кросса Дэмона – так сильна была его противоположная интенция: «недостаёт остроты, мучительной непосредственности, которую сможет дать повествование от первого лица» – записывает он 7 августа 1947 г. [4, p. 175]. Чтение «Постороннего» заставляет Райта острее осознать сходство философских идей и отличие своего писательского темперамента, особенности своего индивидуального стиля. Однако идея сменить повествование от автора на рассказ от первого лица осталась неосуществлённой: Райт не смог радикально поменять привычную повествовательную стратегию.

Влияние «Постороннего» особенно сильно ощущается в описании отношений Кросса с его матерью. В то же время фрейдистские компоненты, внесённые и акцентированные Райтом, делают отношения матери и сына личностно окрашенными, эмоциональными и мучительно-надрывными. Непонимание, комплекс любви-ненависти,

которые связуют-разделяют Кросса и его мать, отличаются от метафизической отчуждённости и эмоциональной отдалённости героев Камю.

Как сходство, так и отличие заметны и в сюжете романа. Как и у Камю, у Райта показаны отношения героя с его окружением, коллегами, женщинами, матерью, убийства, совершённые им, расследование; однако сюжет «Аутсайдера» не отличается стройностью и классической простотой, как сюжет «Постороннего»; в романе Райта слишком ощутимы мелодраматизм и риторичность, а также ангажированность, отсутствующие у Камю.

На обложке первого издания «Аутсайдера» Райт поясняет, что его герой мог принадлежать любой расе, что автор старался передать своё ощущение современного бытия, как он его видит и понимает. Тем не менее, расовая проблематика значимо присутствует в его романе, а первая, «чикагская», часть явно напоминает натуралистические зарисовки Саут Сайда в «Сыне Америки»; показывается, что герой сталкивается с унижениями на расовой и гендерной почве (запутанные отношения с матерью, женой и любовницей загоняют героя в угол), денежными проблемами и переживает распад семьи, родственных и супружеских отношений. На втором месте оказывается участие в политике и протест героя против манипуляций, авторитарности и тоталитаризма. Только на третьем месте оказывается метафизический бунт героя. Это дало основание М. Фабру констатировать, что «мотивации и поведение Мерсо воспринимаются как более современные и знаковые, по сравнению с Дэмоном» [4, p. 172].

В американской критике нередко подчёркивается нереалистичность «Аутсайдера», поскольку поведение Кросса Дэмона недостаточно мотивировано. Однако немотивированность убийств, которые совершает герой, как раз указывает на сближение Райта с французским экзистенциализмом, на характерный мотив взаимосвязи между свободой и желанием убить. Навязчивое влечение Кросса к насилию сходно с тем, которое описано Райтом в более ранних романах «Сын Америки» и «Чёрный». Однако у Биггера ненависть и насилие направлены вовне, на других; самого героя насилие не разрушает, а, напротив, созидает, становится основанием, на котором созидается новая личность; ничем не ограниченная свобода Кросса приводит к тому, что его ненависть к другим трансформируется в ненависть к себе и оборачивается саморазрушением. В отличие от знаменитого сартровского «ад – это другие», герой Райта мог бы сказать «ад – это я»; эту тему он последовательно развивал начиная с повести «Человек, который жил под землёй» (1942) ещё до знакомства с французским экзистенциализмом. Если в военные и послевоенные годы французский экзистенциализм озабочен проблемой восстановления коммуникаций, норм и морали, Дэмон идёт путём отрицания всех социальных и моральных норм. Взгляд Дэмона на мир ещё более мрачно-пессимистичный и индивидуалистичный, чем у Мерсо; очень по-американски Дэмон понимает чувственное влечение как демоническое начало; это открытая дверь в ад. Хотя Дэмон символически расправляется с тоталитаризмом (убивая убеждённого фашиста и убеждён-

ного коммуниста), обнаруживает родственную душу в окружном прокуроре Хьюстоне и даже находит любовь, однако ему так и не удаётся преодолеть пропасть между «я» и другими; это доказывает самоубийство Евы, узнавшей жуткую правду о своём возлюбленном. Как и Мерсо, Дэмон перед смертью не испытывает раскаяния, чувства вины. Но если Камю утверждает, что наша жизнь принадлежит другим, а смерть – нам самим, то Дэмон не в силах распорядиться и своей смертью.

Итак, Райта и Камю сближает их видение современной цивилизации, балансирующей между сходящимися крайностями тоталитаризма и консьюмеризма, их понимание ответственности и миссии художника. Что касается отличий, то, помимо расового момента, Райта и Камю различает отношение к политике и писательский темперамент: здесь Райт ощущал, что ему гораздо ближе Сартр. Ещё одна запись в дневнике Райта от 7 августа 1947 г. гласит: «Всё-таки что-то в этом Камю меня беспокоит. Может быть, это от того, что он в первую очередь художник – в отличие от Сартра и де Бовуар, для которых это не главное» [4, р. 175].

Райт чувствует, что Сартр, де Бовуар и он сам не способны достичь такого эстетического совершенства, какое поражает в «Постороннем» Камю. Возможно, Райт сожалеет об этом, но чувствует, что изменить свою авторскую индивидуальность он не может. Что же касается личного знакомства, то Райт познакомился с Камю сразу по переезде в Париж, однако близкой дружбы не получилось. Настороженное отношение, которое зафиксировано в дневнике Райта, касалось не только отношения к творчеству, но

и отношения к личности их автора. Не сближаясь с Камю, Райт время от времени сотрудничал с ним – до того времени, когда Камю в 1954 г. поддержал французскую общину в Алжире во время алжирской войны. Райт воспринял это как проявление расизма, как поддержку колониализма. После 1954 г. Камю и Ричард Райт больше не встречались.

Разрыв Райта с коммунистами, его движение от марксистских убеждений к экзистенциализму вкупе с выбором им судьбы экспатрианта – тема, которая продолжает занимать умы исследователей, как американских, так и российских. Примером тому могут послужить глава о Райте в новой академической «Истории литературы США» [1] или сравнительно недавняя монография Алана Уолда, знаменитого американского историка левого движения в Соединённых Штатах [8]. Как в классических, так и в новейших работах о Райте внимание авторов приковывает сложная диалектика его движения от прозы в духе «красных тридцатых» к философской прозе второй половины 1940 – начала 1950-х гг. Как ни парадоксально на первый взгляд, но у райтовского раннего «романа протеста» (*protest novel*) и зрелого идейно-философского романа (*roman a thèse*) есть существенная общая черта, а именно: идеологическая заданность. Смена ориентиров не изменила природы дарования Райта: он остаётся писателем-идеологом. Очевидно также, что в этой смене мировоззренческих установок Райта немалую роль сыграло не только его послевоенное знакомство с европейскими властителями дум, но и тот потенциал, который уже был заложен в его прозе в конце 1930-х гг.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Башмакова Л.П. Ричард Натаниэль Райт // История литературы США: В 6 т. Т. VI. Кн. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2013. С. 595-640.
2. Camus A. *We Too Are Murderers* // *Art and Action* / ed. by D. Norman. New York: Twice a Year Press, 1948. pp. 74-75.
3. Fabre M. Richard Wright and the French Existentialists // *MELUS*. Vol. V, no. 2, Summer 1978, pp. 39-51.
4. Fabre M. *The World of Richard Wright*. Jackson, MS: The University Press of Mississippi, 1985. 268 p.
5. Margolies E. *The Art of Richard Wright*. Carbondale, IL: Southern Illinois University Press, 1969. 180 p.
6. Rampersad A. *Ralph Ellison: A Biography*. N.Y.: Knopf, 2007. 657 p.
7. Rowley H. *Richard Wright: The Life and Times*. Chicago; London: The University of Chicago Press, 2001. 608 p.
8. Wald A. *American Night: The Literary Left in the Era of the Cold War*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2012.
9. Webb C. *Richard Wright: A Biography*. N.Y.: G.B. Putnam's Sons, 1968. 443 p.
10. Wright R. *The Outsider*. N.Y.: Harper & Row, 1953. 406 p.
11. Wright R. *The Voiceless Ones* // *Saturday Review*. 43. April 16, 1960. pp. 21-22.
12. Wright R. *Two Letters to Dorothy Norman* // *Art and Action* / ed. by D. Norman. New York: Twice a Year Press, 1948, pp. 73-79.

REFERENCES

1. Bashmakova L.P. Richard Nathaniel Wright. In: *Istoriya literatury SSHA: V 6 t. T. VI. Kн. 2* [History of American literature. Vol. VI. Book 2]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2013. pp. 595-640.
2. Camus A. *We Too Are Murderers*. In: *Art and Action* / ed. by D. Norman. New York: Twice a Year Press, 1948. pp. 74-75.
3. Fabre M. Richard Wright and the French Existentialists. In: *MELUS*. Vol. V, no. 2, Summer 1978, pp. 39-51.
4. Fabre M. *The World of Richard Wright*. Jackson, MS: The University Press of Mississippi, 1985. 268 p.
5. Margolies E. *The Art of Richard Wright*. Carbondale, IL: Southern Illinois University Press, 1969. 180 p.
6. Rampersad A. *Ralph Ellison: A Biography*. N.Y.: Knopf, 2007. 657 p.
7. Rowley H. *Richard Wright: The Life and Times*. Chicago; London: The University of Chicago Press, 2001. 608 p.
8. Wald A. *American Night: The Literary Left in the Era of the Cold War*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2012.
9. Webb C. *Richard Wright: A Biography*. N.Y.: G.B. Putnam's Sons, 1968. 443 p.
10. Wright R. *The Outsider*. N.Y.: Harper & Row, 1953. 406 p.
11. Wright R. *The Voiceless Ones*. In: *Saturday Review*. 43. April 16, 1960. pp. 21-22.
12. Wright R. *Two Letters to Dorothy Norman*. In: *Art and Action* / ed. by D. Norman. New York: Twice a Year Press, 1948, pp. 73-79.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Егорова Елена Геннадьевна – старший преподаватель кафедры английского языка для гуманитарных факультетов факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В.Ломоносова;
e-mail: lengor1964@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena G. Egorova – senior lecturer at the Department of English for the Humanities in the Faculty of Foreign Languages and Regional Studies of Lomonosov Moscow State University;
e-mail: lengor1964@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Егорова Е.Г. От марксизма к экзистенциализму: творчество Ричарда Райта 1940-1950-х гг. в контексте влияния Сартра и Камю // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 4. С. 76-86.

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-4-76-86

CORRECT REFERENCE TO THE ARTICLE

E. Egorova. From Marxism to Existentialism: the creativity of Richard Wright in 1940-50s, in the context of influence of Jean-Paul Sartre and Albert Camus. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2017, no. 4, pp. 76-86.

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-4-76-86